

Научная статья / Original article

УДК 355.01

<https://www.doi.org/10.21209/1996-7853-2026-21-1-87-97>**Борьба за будущее: безальтернативная модель или конкуренция сценариев?****Андрей Андреевич Ковалев***Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия*
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Актуальность исследования связана с развитием многополярной системы в XXI веке и с конкуренцией моделей регионального и глобального развития. В центре внимания – вопрос о том, каким образом одна модель закрепляет за собой статус общепринятой, а альтернативные сценарии остаются на уровне заявлений. Цель работы – выявить основные способы поддержания статуса «безальтернативности» западной модели и обозначить признаки институционального оформления, при наличии которых альтернативный сценарий переходит от деклараций к управленческим решениям. Гипотеза состоит в том, что при отсутствии оформления альтернативы в правилах, стандартах, показателях и организационных решениях преимущество сохраняет западная модель; при появлении сравнимых по функции институтов у альтернативных сценариев усиливаются шансы на практическую реализацию. Материалы и методы предполагают изучение работ отечественных и зарубежных авторов, а также публикаций и информационных ресурсов, отражающих дискуссию о сценарном прогнозировании и конкуренции моделей развития. Применены аксиологический подход, дискурсивный анализ и сравнительный анализ. Понятийный аппарат дискурсивного анализа использует разработки М. Фуко и Н. Фэркло (нормативность и власть формулировок), а сценарный блок – подходы Г. Шварца и П. Схумейкера (признаки сценария и условия его закрепления). Дискурсивный анализ применен для выявления формулировок, закрепляющих универсальность норм и снижающих значимость альтернатив, сравнительный анализ – для выделения различий в способах институционального оформления сценариев на глобальном и региональном уровнях. Результаты о сохранении западной моделью статуса безальтернативной за счёт распространения норм, стандартов, показателей и практик, принимаемых как общий образец, выражены в выводе. Показаны механизмы распространения таких норм и стандартов на незападное пространство, а также ограничения альтернативных сценариев, связанных с недостаточной институциональной оформленностью и разрывом между заявленными целями и практическими инструментами реализации. Отдельно выделены типовые «точки закрепления»: международные правила, рейтинговые метрики, образовательные стандарты, регламенты подготовки кадров. Отсутствие жизнеспособной альтернативы рассматривается как уязвимость формирующейся многополярной системы, поскольку снижает возможности самостоятельного стратегического проектирования и затрудняет согласование интересов. Дальнейшие исследования целесообразно связать с изучением условий институционального оформления альтернативных сценариев, их закрепления в нормативных решениях и оценкой результативности такого закрепления для глобального стратегического планирования.

Ключевые слова: альтернатива, смысловое противостояние, футурология, модели развития, самостоятельность, трансформация

Для цитирования

Ковалев А. А. Борьба за будущее: безальтернативная модель или конкуренция сценариев? // Гуманитарный вектор. 2026. Т. 21, № 1. С. 87–97. <https://www.doi.org/10.21209/1996-7853-2026-21-1-87-97>

Original article**The Struggle for the Future: An Alternative Model or a Competition of Scenarios?****Andrey A. Kovalev***North-Western Institute of Management – branch of the RANEPa, St. Petersburg, Russia*
kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

The relevance of the research is related to the development of a multipolar system in the 21st century and to the competition of regional and global development models. The focus is on the question of how one model secures the status of a generally accepted one, while alternative scenarios remain at the level of statements. The

© Ковалев А. А., 2026

purpose of the work is to identify the main ways to maintain the status of “no alternative” to the Western model and identify the signs of institutional design, in the presence of which the alternative scenario moves from declarations to management decisions. The hypothesis is that in the absence of alternative design in rules, standards, indicators and organizational solutions, the Western model retains the advantage; with the emergence of institutions comparable in function, alternative scenarios have increased chances of practical implementation. The materials and methods involve the study of works by domestic and foreign authors, as well as publications and information resources reflecting the discussion about scenario forecasting and the competition of development models. The axiological approach, discursive analysis and comparative analysis are applied. The conceptual apparatus of discursive analysis uses the developments of M. Foucault and N. Fairclough (normativity and the power of formulations), and the scenario block uses the approaches of G. Schwartz and P. Schoemaker (the signs of a scenario and the conditions for its consolidation). The discursive analysis is used to identify formulations that consolidate the universality of norms and reduce the importance of alternatives, the comparative analysis is used to highlight differences in the ways of institutional design of scenarios at the global and regional levels. The results are expressed in the conclusion that the Western model often retains the status of an uncontested one due to the dissemination of norms, standards, indicators and practices adopted as a common model. The mechanisms of spreading such norms and standards to the non-Western space are shown, as well as the limitations of alternative scenarios related to insufficient institutional formalization and the gap between the stated goals and practical implementation tools. Typical “anchoring points” are highlighted separately: international rules, rating metrics, educational standards, and training regulations. The lack of a viable alternative is seen as a vulnerability of the emerging multipolar system, as it reduces the possibilities of independent strategic design and makes it difficult to coordinate interests. It is advisable to link further research with the study of the conditions for the institutional design of alternative scenarios, their consolidation in regulatory decisions and the assessment of the effectiveness of such consolidation for global strategic planning.

Keywords: alternative, semantic confrontation, futurology, development models, independence, transformation

For citation

Kovalev AA. The Struggle for the Future: An Alternative Model or a Competition of Scenarios? *Humanitarian Vector*. 2026;21(1):87-97. (In Russian). <https://www.doi.org/10.21209/1996-7853-2026-21-1-87-97>

Введение. В первой четверти XXI в. глобальная политическая динамика заметно меняется, поэтому борьба за будущее приобретает форму открытого соперничества заинтересованных акторов. В индустриальную эпоху конкуренция велась за материальные ресурсы и пространство, в постиндустриальную – за информационные потоки и технологические решения. В текущий период в центр соперничества выходит борьба за представления о будущем, а значит – за модели мироустройства на ближнем и длительном временном горизонте.

С философско-политической позиции войны за будущее мироустройство можно рассматривать как противоборство идей, где ключевым становится право задавать направления исторического движения. В качестве инструментов используются стратегическое прогнозирование, футурологические разработки, решения в сфере культуры и образования, технологические инициативы и ценностные ориентиры. Значение приобретают не формулировки сами по себе, а их перевод в правила, стандарты, показатели и управленческие решения, поскольку именно там сценарий получает статус общепринятого. Перечисленные средства приме-

няются для выработки вероятных сценариев и для продвижения сценариев, задающих представления о “неизбежных” либо “единственно допустимых” траекториях развития.

Противостояние за сценарии будущего можно описать как борьбу за смысловые горизонты, отражающую стратегические приоритеты государств и особенности организации политической и культурной сфер. Воздействие на перечисленные сферы расширяет возможности участников соперничества, поскольку влияет на оценку угроз и возможностей, на распределение символического ресурса и на формирование нормативных оснований, задающих критерии оценки положения в мировой системе. Значимую роль играют экспертные прогнозы, медийные образы, новые образовательные стандарты и институты культурной памяти.

В результате войны за будущее разворачиваются в пространстве, где военные и экономические ресурсы уже не являются единственными средствами влияния. Отличительной чертой текущего этапа выступает снижение роли компромисса как базового способа выстраивания отношений. Крупнейшие игроки стремятся представить собственные сценарии грядущего как общепри-

знанные и обязательные. Общее направление исторического движения во многом определяется тем, чья концепция будущего получает статус преобладающей.

Тема будущего сохраняет актуальность. С появлением общества риска, о котором писал У. Бек [1], а также при росте нестабильности исследование будущего получило новый импульс. Формирование сценариев и образов будущего рассматривается в работах Н. Бострома [2], Х. Карлсена, С. Талебиана, С. Педде и К. Кока [3], А. Н. Моленкампа, М. Вердестейна и А. Смейлсера [4], Ю. Олда и М. Элферта [5] и др. Существенная линия дискуссии связана с тем, как “обещающие” описания будущего превращаются в практики и решения, обязательные для других акторов, а затем – в измеримые критерии “успешности”.

Отдельным направлением изучения сценариев будущего выступает футурология, где рассматривается связь философских поисков конкретного исторического периода и характерного для периода обыденного сознания [6]. О развитии футурологических исследований пишут Л. А. Морщина [7], Е. В. Рочняк [8], Ю. С. Черняховская [9] и др. Среди наиболее известных футурологов называются Р. Курцвейл [10], Ю. Харари [11] и др.

Цель исследования – выявить способы сохранения статуса “безальтернативности” у западной модели регионального и глобального развития, а также обозначить условия появления альтернативных сценариев на региональном и глобальном уровнях. Новизна состоит в уточнении механизма “безальтернативности” как результата институционального оформления: нормы, стандарты, индикаторы, рейтинги и регламенты создают эффект общепринятости, даже когда сохраняются конкурирующие проекты.

Методология и методы исследования. Ключевыми методами выступают дискурсивный анализ и аксиологический анализ. Дискурсивный анализ направлен на выявление формулировок, придающих отдельным нормам статус универсальных и снижающих значимость альтернативных сценариев. Аксиологический анализ применяется для выявления ценностных оснований сценариев будущего и связанных с ними управленческих решений. Дискурсивный анализ выполнен на корпусе публичных до-

кументов и программных материалов (стратегии, доклады, стандарты, индексы), а сравнительный анализ – на различиях в способах их закрепления на глобальном и региональном уровнях. Дополнительно применены прогностический метод и моделирование: прогностический метод используется для проверки гипотезы, моделирование – для анализа вариантов формирования моделей будущего.

Гипотеза исследования: сценарии развития, формируемые в последние годы на региональном и глобальном уровнях по инициативе незападных стран, со временем могут стать полноценной альтернативой западной модели, сохраняющей статус безальтернативной. Отсутствие жизнеспособного сценария, способного реально конкурировать с западной моделью, не сводится к нехватке воли национальных правительств, слабости либо пассивности. Решающим ограничением выступает разрыв между политическим заявлением и институциональным оформлением: без норм, стандартов, индикаторов и процедур альтернативный сценарий не получает статуса “рабочего” для управления. В текущих условиях международные акторы проходят начальный этап понимания того, что Запад выступает не партнёром, а соперником.

В статье представлен анализ работ отечественных и зарубежных авторов, а также актуальных материалов, опубликованных в информационных ресурсах. Результаты представлены по логике применённых методов: выявленные дискурсивные маркеры показывают, как закрепляется универсальность норм; сравнительный анализ показывает, по каким каналам нормы превращаются в обязательные практики; аксиологический анализ раскрывает, какие ценности используются для оправдания выбора “единственно допустимого” решения.

Результаты исследования и их обсуждение. Ключевую роль в борьбе за сценарии будущего развития человечества играет футурология, понимаемая как устоявшаяся форма прогнозирования, объединяющая методы прогностического анализа, сценарного моделирования и разработки идейных конструкций в социальной сфере [12, с. 85]. В условиях глобальной конкуренции такие разработки приобретают значение инструмента стратегического влияния, позволяющего формировать долгосрочные

стратегии жизнедеятельности и задавать параметры общественной дискуссии о направлениях развития. Такие инициативы ориентированы на описание вероятных направлений развития и на целенаправленное влияние на процессы формирования значимых смыслов, определяющих долговременные векторы политической и культурной эволюции. Сегодня недостаточно просто спрогнозировать образ будущего, всё большее значение приобретает способность задавать желаемые сценарии, востребованные как среди элит, так и в массовом представлении.

Сценарии, разрабатываемые при стратегическом прогнозировании, объединяют аналитические подходы и работу с ценностными установками, основанными на структурированных данных: макроэкономических показателях, демографической динамике, технологических трендах и глобальных политических процессах. В процессе формулирования сценариев определяются параметры и пределы желаемого развития, формируются критерии последующих изменений. Следует подчеркнуть, значение имеют расчёты и представления о социальной приемлемости и политической целесообразности выбранных решений [13, р. 72]. Создание образов будущего оказывается тесно связано с использованием механизмов влияния на массовое восприятие, благодаря чему закрепляются модели поведения и ожидания.

Разработка и реализация сценариев будущего предполагает создание специализированной инфраструктуры, куда относятся исследовательские центры, аналитические платформы и экспертные сообщества [14, р. 158]. Перечисленные структурные элементы необходимы для сбора и обработки информации; при их участии формируются идейные основания существования общества и распространяются в СМИ, образовательных программах и культурных инициативах. В последние годы заметно усилилось взаимодействие государственных структур, экспертного сообщества и представителей частного сектора, ориентированное на согласование приоритетов развития. Широкий просветительский охват обеспечивает оперативное и целенаправленное распространение ключевых смыслов (культурных, ментальных и др.), благодаря чему закрепляются целевые установки не только в управлен-

ческой сфере, но и в массовом представлении. Процесс затрагивает область мышления, где утверждаются представления о будущем, а также институциональную сферу, в рамках которой распространённые образы получают нормативное закрепление и развитие в управленческой практике. В результате складывается многоступенчатая система взаимодействий, в которой смысловые ориентиры транслируются и закрепляются на различных уровнях – от экспертных дискуссий до нормативных актов и образовательных стандартов.

Моделирование возможных или желаемых сценариев в условиях международного соперничества функционирует как инструмент опосредованного воздействия. Продвижение заданных образов будущего направляет систему приоритетов, способствует развитию отдельных направлений в технологической и социальной сферах или, напротив, замедляет их, а также перераспределяет символические ресурсы в интересах акторов, участвующих в разработке сценариев. Механизмы смыслового воздействия охватывают инновационную политику, распределение инвестиций и формирование долгосрочных программ [15, с. 130]. Распространение привлекательных сценариев будущего воздействует на решения политических и экономических акторов путём стимулирования принятия определённых стратегий без использования прямых административных мер принуждения. В дискурсивном анализе обнаруживаются речевые маркеры “единственно допустимых” решений, аксиологический метод применяется для определения ценностных оснований, которыми обосновываются такие решения.

В последние годы способность создавать и распространять образы будущего превращается в ключевой ресурс акторов глобального воздействия. Ведущие мировые игроки – крупные государства, интеграционные объединения, транснациональные корпорации и наднациональные структуры – активно используют инструмент распространения сценариев для продвижения приоритетных направлений развития на глобальном уровне в собственных интересах. Для закрепления преобладающих сценариев применяются комплексные прогнозные исследования, инициируются культурные проекты, а также используются современные формы информационно-коммуникаци-

онного взаимодействия. Благодаря широкому охвату массовых коммуникаций экспертная работа утрачивает роль центрального звена в процессе формирования долгосрочных ориентиров. Активное вовлечение общества в реализацию сценариев будущего путём целенаправленного распространения смысловых структур обеспечивается медиаресурсами, образовательными платформами и символической продукцией [16].

Прогнозные модели часто получают статус безальтернативных, поскольку ведущие мировые игроки обладают возможностью представить их всему международному сообществу как единственно допустимые (так произошло с тезисом о «вестернизации», представленным как неизбежный итог развития любого общества). Такое обстоятельство в дальнейшем обеспечивает институциональное и нормативное оформление. В результате определяются направления социально-экономического и политического развития, признаваемые предпочтительными в публичной риторике и экспертном дискурсе. Постепенно навязанная безальтернативность сужает набор обсуждаемых вариантов, что ведёт к исключению альтернативных подходов из повестки и к разрушению структуры интеллектуального пространства. Так, в программах «зелёного перехода» подчёркивается приоритетность определённых технологических решений и методов регулирования, тогда как иные варианты развития энергетики квалифицируются как нежелательные или устаревшие [17, с. 509]. В таких условиях затрудняется поступательное и справедливое развитие в силу отсутствия конкурирующих проектов будущего. В итоге усиливается управляемость процессами долгосрочного планирования.

Поддержание долгосрочных ориентиров требует развитой инфраструктуры на разных уровнях взаимодействия [18]. На макроуровне ведущую роль выполняют международные институты и ключевые информационные платформы, задающие глобальные ориентиры при помощи политических заявлений, культурных проектов и медиаконтента. Практика такого рода проявляется в инициативах ООН, связанных с целями в области развития, где формируется общее видение будущего на основе комплексных резолюций и сопроводительных культурных кампаний. Средний уровень представлен деятельностью исследовательских центров,

консалтинговых организаций и образовательных учреждений, которые встраивают избранные направления развития в профессиональное обучение и экспертные обсуждения. На микроуровне закрепление установок происходит в ежедневных социальных действиях, когда символы и ценности становятся частью индивидуальных представлений о трансформациях в экономике, науке и обществе.

Управление каналами глобальной коммуникации способствует закреплению долгосрочных сценариев будущего развития. Доступ к крупнейшим медиаресурсам, технологическим платформам и центрам культурного производства позволяет ведущим игрокам быстро распространять выбранные направления развития в национальные и региональные пространства. Коммуникационная система формирует условия для адаптации распространяемых смысловых структур с учётом региональной и национальной специфики при сохранении общего направления развития. Показательным случаем служит распространение цифровых стандартов и образовательных инициатив посредством транснациональных корпораций и ведущих интернет-платформ, итогом чего становится нормативное и институциональное закрепление новых ориентиров. В результате укрепляется практика формирования приоритетов без прямых административных мер принуждения.

Борьба за определение ключевого сценария будущего развития на региональном и глобальном уровнях представляет собой форму стратегического соперничества, затрагивающего не только международные процессы, но и механизмы формирования национальных целей. В результате складывается ситуация, при которой национальные приоритеты всё чаще задаются сценариями, поступающими извне. Такое смещение часто остаётся незаметным для общества-мишени, поскольку реализуется посредством длительной деятельности образовательных, культурных и экспертных структур, создающих систему знаний, норм и символов. Итогом внешнего задавания ориентиров становятся структурные изменения в институциональной системе, носящие долгосрочный характер. Проявление связано со стандартизацией подходов к цифровой трансформации национальной экономики в русле требований международных организаций.

Наиболее значимые изменения наблюдаются в сфере стратегического планирования, поскольку именно здесь формирование государственных приоритетов всё чаще происходит под действием глобальных информационных потоков. Экономические и технологические сценарии, представленные как универсальные и авторитетные (безальтернативные), замещают национальные программы развития. В условиях усиливающегося внешнего принуждения пространство для самостоятельных решений и появления альтернативных моделей заметно сокращается [19, с. 8]. Так, стандарты в области искусственного интеллекта и персональных данных во многих странах разрабатываются с учётом регламентов Европейского союза (GDPR, AI Act), и национальные решения выстраиваются с учётом заданных требований [20, р. 33]. В результате государственная политика изменяется в соответствии с международными стандартами, и последствия затрагивают ключевые сферы жизнедеятельности нации: перераспределение ресурсов, научно-техническую политику, определение культурных ориентиров, а также закрепление принципов развития.

Риск утраты самостоятельности мышления нации усиливается, когда ценности, идеи и смыслы, сформированные за пределами страны, признаются обществом безальтернативными сценариями будущего развития. Заранее подготовленный и утверждённый образ оптимального и единственно возможного национального курса продвигается при помощи новых образовательных стандартов, транснациональных медийных продуктов, экспертных платформ и форм международного сотрудничества. Масштаб внешнего навязывания норм на столь фундаментальном уровне осознаётся обществом лишь в ситуациях особой сложности, в том числе, когда ориентация на внешние стандарты демонстрирует устойчиво отрицательные результаты либо показывает неработоспособность отдельных моделей развития. Так, России потребовалось более десяти лет, чтобы признать нецелесообразность введения Болонской системы на своей территории, и приведённый случай показывает расхождение между заявляемой универсальностью модели и результатами применения [21, с. 66].

В результате национальные модели развития в различных сферах отвергаются

инициаторами продвижения универсальных сценариев. В такие моменты нация становится наиболее уязвимой, когда внешние установки постепенно и незаметно входят в систему национальных ожиданий и воспринимаются большинством как неоспоримые, то есть безальтернативные и единственно возможные. Механизм закрепления критериев проявляется при использовании международных рейтингов университетов или глобальных индексов инновационного развития, которые задают критерии успешности и формируют структуру образовательных и научных приоритетов.

Основным мотивом добровольного отказа от национальных интересов в пользу универсального сценария развития выступает стремление обрести чувство принадлежности к единому глобальному процессу и, соответственно, получить признание со стороны международного сообщества, имеющего организатора и идейного лидера, действующего, как уже отмечалось, в собственных интересах. Национальные элиты – академические, экономические, политические – отказываясь от самостоятельности в процессе разработки собственного варианта будущего, ориентируются на внешние сценарии, воспринимая их как условие получения международного признания, доступа к финансированию, технологиям и экспертным ресурсам. Здесь вновь проявляется уверенность в безальтернативности такого сценария, поскольку при принятии решения о самостоятельном развитии нация рискует столкнуться с санкционными мерами или даже изоляцией, как это произошло, в частности, с Россией, подвергшей сомнению универсальность образа будущего, активно продвигаемого Западом [22, с. 69]. Следование подобной установке приводит к изменению национальных приоритетов в соответствии с критериями международных рейтингов, отраслевых стандартов и сравнительных индексов. Между тем инструменты, декларируемые как объективные, на практике часто служат для реализации интересов глобальных центров нормирования. В итоге требования Всемирного банка, положения университетских рейтингов QS и Times Higher Education, параметры конкурентоспособности и многие другие международно установленные показатели постепенно начинают определять структуру национальных программ и правила распределения ресурсов [23, с. 37].

Серьезный вызов национальной безопасности связан с трансформацией символического пространства, меняющей смысловые рамки, через которые продвигаются сценарии будущего развития. Когда навязанные образы будущего начинают преобладать, публичная сфера государства наполняется метафорами и нарративами, заимствованными из зарубежных источников, что приводит к постепенному исключению традиционных культурных и исторических ориентиров. В результате национальные политические институты, формально сохраняя независимость, всё чаще действуют по правилам, задаваемым внешними центрами, задающими смысловые ориентиры. Тенденция особенно заметна в массовой культуре, языке публичных коммуникаций и образовательных материалах, где преобладают глобальные шаблоны.

При нарастании внешних воздействий заметно затрудняется сохранение согласованности общественных представлений, поскольку одновременно действуют разнонаправленные цивилизационные, культурные и идейные импульсы. Объединяющие элементы – национальная история, историческая память, религиозные традиции и система символов и знаков – стремительно утрачивают значение. В начале XXI в. ситуация усиливается, итогом чего становится столкновение общества с одновременным наложением множества конкурирующих моделей развития. Каждый из предлагаемых вариантов содержит собственную систему приоритетов и сценариев будущего, претендуя на универсальность и безальтернативность. В итоге согласование ценностных установок и долгосрочных целей превращается в сложную задачу, поскольку различные группы ориентируются на разные внешние сигналы, транслируемые крупными центрами.

Информационное изобилие затрудняет соперничество моделей развития, перегружая массовое сознание постоянным столкновением с альтернативными версиями политического, экономического и культурного устройства. В условиях борьбы за доминирование сценариев будущего заинтересованные центры формируют эмоциональные реакции и ценностные установки населения путём распространения искусственно созданных символов, мифов и визуальных образов. В результате общество теряет объединяющие элементы и рискует столкнуться

с расколом при несовместимых стратегических нарративах. Эффект усиливается использованием новых технологий: он проявляется в создании «информационных пузырей», становящихся реальностью благодаря широкой вовлечённости населения в медиаплатформы и социальные сети, где отдельные сценарии получают приоритетное распространение и закрепляются в общественных представлениях как версии будущего. В итоге точечная настройка выдачи и рекомендаций пользователям позволяет управлять как индивидуальным, так и массовым сознанием, закрепляя выгодные установки и идеи.

При усилении внешнего воздействия особое значение приобретает фрагментация символического пространства, способная привести к реальному расколу в обществе. В результате усиливается ещё одна проблема: у отдельных индивидов закрепляются заблуждения и навязанные установки, поскольку сознание оказывается погружено в искусственно сконструированную и поддерживаемую реальность.

В последнее время всё чаще звучат опасения относительно негативных последствий избыточного использования нейросетей. Общение с ними может привести к: 1) социально неприемлемому или даже опасному поведению, что обсуждалось в связи с делом о гибели человека в США в августе 2025 г, где в материалах упоминалось взаимодействие пользователя с ChatGPT; 2) глубокой и некритической погружённостью в мир нейросетей, что способно вызывать ранее неизвестные состояния психоэмоциональной нестабильности, при которых пользователь усиливает собственные заблуждения, поскольку алгоритмы на первых этапах общения ориентированы на согласие для поддержания вовлечённости, при этом сбои в работе нейросетей нередко провоцируют тревожность; 3) иным трудностям. В итоге человек замыкается в иллюзорных представлениях о реальности, лишаясь возможности критически проверить свои убеждения и согласовать их с другими членами общества. Фрагментарность и бескомпромиссность проявляются особенно ярко при обсуждении ключевых тем – социально-экономической политики, защиты и соблюдения культурных норм и др., когда отсутствует общий дискуссионный фундамент для выработки целей на длительный срок.

В XXI веке соперничество моделей дальнейшего развития во многом проявляется как борьба за формирование условий применения новых технологий [24, с. 53]. К таким условиям относится определение ряда параметров, среди которых обсуждаются границы допустимого при использовании искусственного интеллекта, методов генной модификации, климатической инженерии и других направлений. Итоги обсуждений отражаются в международных соглашениях, образовательных стандартах и культурных практиках, задавая нормативы для долговременного закрепления представлений о допустимом и недопустимом. В результате согласованные нормы находят выражение в официальных документах и программах подготовки специалистов, задавая параметры технологической политики в национальном и глобальном масштабах.

Среди сфер символического пространства, имеющих особое значение для нации и подвергающихся трансформации, важное место занимает историческая память. Конкурирующие модели развития формируют не только разные сценарии будущего, но и меняют понимание исторического наследия, перенося акценты в отношении ключевых событий, персоналий и символов. Пересмотр способен изменить восприятие национальной истории, а также понимание роли общества в мировой системе в пространственно-временном измерении [25, с. 72]. В дискурсивном анализе отмечаются повторяющиеся способы: акцентирование одних событий и фигур, умолчание других, замена оценочных формулировок. Пересмотр прошлого превращается в инструмент легитимации новых стратегий, а смещение акцентов находит отражение в образовательных программах, СМИ и публичных дискуссиях.

В современных условиях сохранение единой общественной формы существования требует проведения системной философской и стратегической работы, направленной на описание механизмов действия внешних и внутренних факторов на процессы формирования общественных представлений и выделение их структурных элементов. В результате регулярная проверка таких механизмов выступает необходимым условием поддержания согласованности ценностей, построения целей на длительный срок и формирования символических ориентиров в динамичной информационной среде.

Заключение. Борьба за будущее и продвижение сценариев его развития формируют особую форму соперничества, где объектом воздействия выступает не территория или материальные ресурсы, а формирование представлений об историческом времени и способах его понимания. Соперничество сценариев выражается в борьбе за право устанавливать ценностные и нормативные ориентиры развития, определяющие направление и способы преобразования прошлого и настоящего в проект будущего и относящиеся к крупным социальным системам и культурным общностям. При таком соперничестве технологические новшества, культурная политика и информационные стратегии функционируют как элементы единого набора средств.

В рассматриваемые процессы вовлечены различные составляющие за счёт создания разветвлённой инфраструктуры, охватывающей широкий спектр элементов – от экспертных платформ и исследовательских центров до СМИ, образовательных структур и механизмов формирования и поддержания символических образов. Каждый компонент системы играет ключевую роль в подтверждении и институциональном закреплении представления о будущем как единственно верного и желательного сценария развития. Одновременно осуществляется работа по исключению альтернативных вариантов из центра общественного обсуждения.

Философский и стратегический разбор борьбы за будущее позволяет рассматривать происходящее как многоуровневый процесс, где одновременно проявляются противоборство за технологическое превосходство, соперничество ценностных систем и формирование новой структуры глобального порядка. Участие в процессах такого рода требует не только обладания ресурсами и средствами воздействия, но и способности к длительному идейному проектированию, обеспечивающему сохранность национальных смысловых основ на длительный срок при меняющемся мировом устройстве.

Следовательно, предлагаемый Запад сценарий развития, декларируемый как универсальный и тем самым безальтернативный, в настоящее время не имеет равных по содержанию и способам глобального распространения. Несмотря на сопротивление

ние, зародившееся в последнее десятилетие со стороны национальных правительств, эффективного ответа до сих пор не найдено. Однако усиливающаяся тенденция к противодействию универсализму и тотальному глобализму по западному образцу, а

также к выработке не абстрактных, а конкретных сценариев, исходящих от иных центров силы, позволяет предположить, что безальтернативный вариант развития сменится множественностью конкурирующих стратегий формирования образа будущего.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Бостром Н. Искусственный интеллект: этапы, угрозы, стратегии. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2016. 490 с.
3. Carlsen H., Talebian S., Pedde S., Kok K. Diversity in global environmental scenario sets // *Global Environmental Change*. 2024. Vol. 86. P. 102839. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2024.102839
4. Molenkamp A. N., Weerdesteijn M., Smeulders A. A Playstation Mentality to Killing? Adverse Psychological Consequences in Drone Pilots and the Stigmatization thereof in the Military // *Armed Forces & Society*. 2025. Vol. 51, no. 3. P. 840–859. DOI:10.1177/0095327X241236221
5. Auld E., Elfert M. The waning legitimacy of international organizations and their promissory visions // *Comparative Education*. 2024. Vol. 60, no. 3. P. 377–400. DOI: 10.1080/03050068.2024.2371271
6. Найдыш О. В. Обыденная сознание и современная футурология // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2017. Т. 21, № 2. С. 240–249. EDN: YOYVJH. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-240-249
7. Морщикина Л. А. Исследование феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. 2017. № 2. С. 46–57. EDN: YKORUJ. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.46
8. Рочняк Е. В. Современные футурологические концепции: содержание и особенности // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2025. № 2. С. 179–189. EDN: GQWSYB. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-179-189
9. Черняховская Ю. С. Футурология и философская фантастика как формы исследования будущего общества и его политического мира // *Власть*. 2016. № 4. С. 164–168. EDN: VVNIAY
10. Kurzweil R. *The Singularity Is Nearer: When We Merge with AI*. London: Penguin Books, 2024. 419 p.
11. Харари Ю. Н. *Sapiens: Краткая история человечества* / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Синдбад, 2019. 520 с.
12. Рочняк Е. В. Пять этапов развития футурологии как научной дисциплины: от предыстории к современности // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2022. № 2. С. 81–93. DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1163. EDN: ROIJRP.
13. Richter I., GabeThomas E., Queirós A. M., Sheppard S. R. J., Pahl S. Advancing the potential impact of future scenarios by integrating psychological principles // *Environmental Science & Policy*. 2023. Vol. 140. P. 68–79. DOI:10.1016/j.envsci.2022.11.015
14. Saz-Carranza A., Rueda-Sabater E., Vandendriessche M., Moreno C., Jordana J. The future(s) of global governance: A scenarios exercise // *Global Policy*. 2023. Vol. 15, No 1. P. 149–165. DOI:10.1111/1758-5899.13295
15. Никифоров А. Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. Т. 27, № 1. С. 123–137. EDN: PWKCPN. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1-123-137
16. Diamond A. H. A globalization diversity ideology // *SN Social Sciences*. 2024. Vol. 4. DOI:10.1007/s43545-024-00847-3
17. Данилин И.В., Бокарев Б.А., Самбурский И. А. Формирование европейского зелёного энергоперехода и современные корректировки его реализации // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2023. Т. 14, № 3. С. 500–516. EDN: ABMFBT. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.3.500-516
18. Cordova-Pozo K., Rouwette E. A. J. A. Types of scenario planning and their effectiveness: A review of reviews. – Текст: электронный // *Futures*. 2023. Vol. 149. URL: <https://clck.ru/3Sf3ih> (дата обращения: 12.12.2025). DOI:10.1016/j.futures.2023.103153
19. Розов Н. С. Многополярность, механизмы исторической динамики и три сценария глобального будущего // *Новые идеи в философии*. 2023. № 12. С. 4–13. EDN: OAQRAJ. DOI: 10.17072/2076-0590-2023-11-4-13
20. Peltonen K. Children and war – vulnerability and resilience // *Contemporary Issues in Early Childhood*. 2025. Vol. 26, no. 1. P. 28–40. DOI:10.1080/17405629.2024.2382410
21. Мизин В. И. Возможные сценарии России для будущей архитектуры безопасности в Европе // *Постсоветские исследования*. 2024. Т. 7, № 1. С. 61–78. EDN: KQDTNV

22. Гринин Л. Е. Ускорение реконфигурации мир-системы в связи с СВО и возможные сценарии будущего. Ст. 1. Как СВО влияет на реконфигурацию мир-системы // Век глобализации. 2023. № 2. С. 50–72. EDN: AZJUNW. DOI: 10.30884/vglob/2023.02.06

23. Марков А. П. Образы и сценарии будущего в отечественной гуманитарной мысли // Вестник культуры и искусств. 2023. № 1. С. 33–42. EDN: PCMZDI

24. Тузовский И. Д. Постправда как синдром цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // Философская мысль. 2020. № 12. С. 42–60. EDN: INBBVP. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257

25. Грибакина Т. Э. Архетипические сценарии будущего в образах современного российского кинематографа // Философская мысль. 2023. № 9. С. 65–77. EDN: XUXELV. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.39702

Информация об авторе

Андрей Андреевич Ковалев, кандидат политических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС; 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; kovalev-aa@gaopera.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 14.12.2026; принята к публикации 26.12.2025.

References

1. Bek U. Risk society. On the way to another modernity. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 383 p. (In Russian)
2. Bostrom N. Artificial intelligence: stages, threats, strategies. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2016. 490 p. (In Russian)
3. Carlsen H, Talebian S, Pedde S, Kok K. Diversity in global environmental scenario sets. *Global Environmental Change*. 2024;86:102839. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2024.102839
4. Molenkamp AN, Weerdesteijn M, Smeulers A. A Playstation Mentality to Killing? Adverse Psychological Consequences in Drone Pilots and the Stigmatization thereof in the Military. *Armed Forces & Society*. 2025;51(3):840-859. DOI:10.1177/0095327X241236221
5. Auld E, Elfert M. The waning legitimacy of international organizations and their promissory visions. *Comparative Education*. 2024;60(3):377-400. DOI: 10.1080/03050068.2024.2371271
6. Naydysh OV. Ordinary consciousness and modern futurology. *RUDN journal of philosophy*. 2017;21(2):240-249. (In Russian). EDN: YOYBJH. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-2-240-249
7. Morshchikhina LA. Research into the phenomenon of utopia in modern Russia: a paradigmatic analysis. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2017;(2):46-57. (In Russian). EDN: YKORUJ. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.46
8. Rochnyak EV. Modern futurological concepts: content and features. *Izvestiya Tula State University*. 2025;(2):179-189. (In Russian). EDN: GQWSYB. DOI: 10.24412/2071-6141-2025-2-179-189
9. Chernyakhovskaya YuS. Philosophical futurology and science fiction as forms of exploration of the future of society and its political world. *The Authority*. 2016;(4):164-168. (In Russian). EDN: VVNIIV
10. Kurzweil R. The Singularity Is Nearer: When We Merge with AI. London: Penguin Books; 2024. 419 p.
11. Kharari YuN. Sapiens: A brief history of humankind. Moscow: Sindbad; 2019. 520 p. (In Russian)
12. Rochnyak EV. Five stages of the development of futurology as a scientific discipline: from prehistory to the present. *Journal of Wellbeing Technologies*. 2022;(2):81-93. (In Russian). EDN: ROIJRP. DOI: 10.18799/26584956/2022/2/1163
13. Richter I, Gabe Thomas E, Queirós AM, Sheppard SRJ, Pahl S. Advancing the potential impact of future scenarios by integrating psychological principles. *Environmental Science & Policy*. 2023;140:68-79. DOI:10.1016/j.envsci.2022.11.015
14. Saz-Carranza A, Rueda-Sabater E, Vandendriessche M, Moreno C, Jordana J. The future(s) of global governance: A scenarios exercise. *Global Policy*. 2023;15(1):149-165. DOI:10.1111/1758-5899.13295
15. Nikiforov AL. What kind of future is humanity consigned to by the scientific and technological progress? *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(1):123-137. (In Russian). EDN: PWKCPN. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-1-123-137
16. Diamond A. H. A globalization diversity ideology. *SN Social Sciences*. 2024;4.
17. Danilin IV, Bokarev BA, Samburskiy IG. European green energy transition formation and its modern implementation adjustments. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023;14(3):500-516. (In Russian). EDN: ABMFBT. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.3.500-516
18. Cordova-Pozo K, Rouwette EAJA. Types of scenario planning and their effectiveness: A review of reviews. *Futures*. 2023; 149. Available at: <https://clck.ru/3Sf3ih> (accessed 12.12.2025). DOI:10.1016/j.futures.2023.103153

19. Rozov NS. Multipolarity, mechanisms of historical dynamics, and three scenarios of global future. *New Ideas in Philosophy*. 2023;(12):4-13. (In Russian). EDN: OAQRAJ . DOI: 10.17072/2076-0590-2023-11-4-13
20. Peltonen K. Children and war – vulnerability and resilience. *Contemporary Issues in Early Childhood*. 2025;26(1):28-40. DOI:10.1080/17405629.2024.2382410
21. Mizin VI. Russia's possible scenarios for the future security architecture in Europe. *Post-Soviet Studies*. 2024;7(1):61-78. (In Russian). EDN: KQDTNV
22. Grinin LE. Acceleration of the reconfiguration of the world-system in relation to the special military operation in ukraine and possible future scenarios. Article 1. The impact of the special military operation in ukraine on the reconfiguration of the world-system. *Vek Globalizatsii*. 2023;(2):50-72. (In Russian). EDN: AZJUNW. DOI: 10.30884/vglob/2023.02.06
23. Markov AP. Images and scenarios of the future in Russian humanitarian thought. *Culture and Arts Herald*. 2023;(1):33-42. (In Russian). EDN: PCMZDI
24. Tuzovskii ID. Post-truth as a syndrome of digital age: ultimate understanding of the phenomenon and scenarios of the future. *Philosophical Thought*. 2020;(12):42-60. (In Russian). EDN: INBBVP. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257
25. Gribakina TE. Archetypal scenarios of the future in the images of modern Russian cinema. *Philosophical Thought*. 2023;(9):65-77. (In Russian). EDN: XUXELV. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.9.39702

Information about the author

Kovalev Andrey A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Northwestern Institute of Management – branch of RANEPA; 199178, Russia, St. Petersburg, Sredny ave. V. O., 57/43; kovalev-aa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

**Received: September 10, 2025; approved after reviewing December 14, 2025;
accepted for publication December 26, 2025.**